

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИЯН В КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Диана Альбертовна ВЛАДИМИРОВА,
кандидат исторических наук, ДВГТУ

Национальный характер — самый неуловимый феномен этнической принадлежности. Этим термином пользуются и обыватели, и учёные, однако каждый из них подразумевает различные проявления этнического сознания и поведения.

Народы и национальные характеры с течением времени меняются, но при этом сохраняют нечто особенное, что делает их отличными от других. Несмотря на культурно-историческую, социальную и географическую обусловленность, императивы поведения, определённые доминанты национального характера, отличительные черты сохраняются у представителей разных народов в условиях глобализации, интернационализации образа жизни, массовой культуры и единой информационной системы.

В последние годы в мире растёт интерес к России, её обитателям, о чём свидетельствует ряд публикаций на данную тему¹. С открытием границ многим россиянам удалось побывать за пределами родины. Многим из нас интересно, что же думают о россиянах другие народы и чем мы так отличны от наших соседей. Проблема восприятия России за рубежом представляется достаточно актуальной, поскольку позволяет, во-первых, проследить историю эволюции образа Российского государства, а вместе с ней и эволюцию образа россиян в иностранных источниках; во-вторых, помогает прояснить некоторые эпизоды взаимоотношений между Россией и Китаем, в-третьих, попытаться выработать оптимальную стратегию отношений нашей страны с ближайшими соседями.

На протяжении 150 лет россияне юга Дальнего Востока и китайцы северо-восточных провинций проживают в единых климатических и географических условиях, что не может не влиять на формирование этнического стереотипа поведения. Помимо географической среды, которая влияет на этносы «через повседневное общение человека с кормящей его природой»², необходимо учитывать культурные воздействия, проявляющиеся через традиции, унаследованные от предков, а также влияние религии. По мнению Л. Н. Гумилёва, особую роль в формировании и развитии этносов, играет также их этническое окружение³. Все эти факторы,

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 07-01-02013а «Эволюция представлений о России и россиянах в Северном Китае: 150 лет истории на фоне современности».

вместе взятые, постепенно вырабатывают определенный образ жизни, поведение, вкусы, социальные взаимоотношения, т.е. то, что сегодня мы называем «стереотипом поведения». И если встречаются отклонения, то они происходят от «необразованности», непохожести на себя⁴. Современное восприятие людьми вещей и событий обусловлено определенными критериями, по этим критериям можно проследить основные изменения и в нас самих, и в окружающем нас мире.

Проблема сосуществования двух культур в пределах дальневосточного региона в той или иной мере поднималась не только учёными, но и чиновниками, офицерами, путешественниками, которые сталкивались с ней в своей практической деятельности. Решая научные, профессиональные задачи, они никак не могли обойти вопросы, затрагивающие быт и нравы народов, населяющих эти территории.

Китайская историография по данному вопросу достаточно обширна и интересна. В основе главной модели взаимоотношений Китая с зарубежными странами лежала (вплоть до нового времени) традиционная конфуцианская схема «мы и варвары», которая проявлялась в «нигилистическом отношении правящей элиты к западной культуре в целом и к отдельным её проявлениям»⁵. Нравственная недостаточность знакомства с внешним миром служила основой одного из наиболее характерных и фундаментальных постулатов китайской традиционной культуры, что «варвары» лишь чисто внешне походили на настоящих людей, но, в сущности, таковыми не являлись. Данная концепция время от времени проявлялась и впоследствии, что можно заметить при анализе исследуемого материала.

Попытки периодизации истории взаимоотношений двух народов предприняты в крупных работах китайских авторов, которые в первую очередь рассматривают вопрос российской эмиграции в Китай. Харбинские исследователи Ши Фан, Ли Дэбин, исходя из традиционной периодизации в исторической науке КНР, выделяют два больших периода в истории русской эмиграции в Китае: первый с 1840 по 1949 г., второй с 1949—50-е годы XX в. Авторы монографии «Ряска в непогоду: русские эмигранты в Китае» предлагают рассматривать дооктябрьский и после революционный периоды. Изучая вопрос эволюции образа России и россиян в китайской историографии, необходимо принимать во внимание, что его изучение китайской стороной проходит на фоне исследования истории российской эмиграции в Китае, конкретнее этот постулат можно обозначить как «чужаки» на «нашем» территориальном пространстве. Однако контакты между народами необязательно связаны с эмиграцией.

Процессы взаимодействия и взаимовосприятия русских и китайцев различной интенсивности имели место в XVII—XX вв. на Дальнем Востоке, расположенном в непосредственной близости с Китаем, Японией и Кореей и всегда служившим воротами нашей страны в АТР. Первые упоминания о Руси и русских встречаются в китайских письменных памятниках во времена правления династии Юань (1280—1367), где они

фигурируют под именем «волосы» либо «улусы». Согласно историческим записям династии Юань в 1330 г. на западе на землях жунов были обнаружены поселения русских, которые занимались обработкой земли. Императорский двор предоставил им пахотных быков, зерно и сельскохозяйственные орудия⁶. Позднее чаще стал встречаться термин «лоча», произошедший от индийского «ракша», что означает «демон, терзающий людей», так китайцы в XVII в. называли русских, проживавших в Приамурье⁷. Западную часть Уссурийского края маньчжуры иногда называли словом «воцзи», что означает «страна диких и дремучих лесов»⁸.

На вопрос о том, где и когда на территории Китая появились первые русские поселенцы, китайские историки дают разные ответы. Первыми вынужденными переселенцами в Китае оказались пленённые под Албазином казаки, в результате военных действий в 1685—1686 гг. «Тогда была взята в плен большая группа казаков, часть из которых отправили в Пекин, где они вступили в маньчжурское восьмизнамённое войско. К ним, как и к маньчурам, относились с уважением»⁹.

Непосредственные контакты русских и китайцев на российском Дальнем Востоке в середине XVII в. трудно охарактеризовать как дружественные или враждебные, скорее, это было индифферентное отношение к неизвестному народу. Собранные сведения о русских были скудны, образы, хотя и не лишённые определенных характеристик, представлялись весьма схематично¹⁰. Формирование более конкретного образа началось чуть позднее.

В источнике о русско-китайских отношениях XVII в. «Пиндин лоча фанлюэ» (Стратегические планы усмирения русских) говорится о Белом царе и Русском государстве, которое никогда не имело связи со Средним государством, однако проявило покорность и искренне пожелало обратиться к его культуре. Под обращением к культуре подразумеваются посольства Ф. Байкова и Ф. Головина. Русские представлялись как алчные, грубые, некультурные. «Их нравы подобны нравам диких зверей», — заключает источник¹¹, в нём представлен традиционный китацентричный подход к окружающему миру, а отсюда и соответствующие оценки. Справедливости ради, надо отметить, что посольство Ф. И. Байкова приходится на период, когда маньчурам уже было известно об экспедициях В. Пояркова и Е. Хабарова, что не могло не повлиять на оценку посольства со стороны Цинского двора.

Встречи казаков произошли не с маньчурами или ханьцами, а с «инородцами» — дючерами, даурами, населявшими эти края. В Пояркова «инородцы» приняли дружелюбно и снабдили отряд зерновыми продуктами, однако казаки, как это практиковалось в других районах Сибири при освоении их русскими, попытались обложить дючеров данью, порой занимались и вымогательством, чем испортили изначально доброжелательное к себе отношение. В результате появление казаков во главе с Ерофеем Хабаровым было встречено настроенно, местное население

всячески пыталось избегать встреч с ними. Боязнь грабежей заставляла «иностранцев» временно покидать насиженные места, спрятав хлеб и угнав скот¹². Русские люди «лочэ» в глазах иностранцев все были с «впалыми глазами, высоким носом, зелеными зрачками и красными волосами... Кто им ни попадался, того они убивали»¹³, как правило, это люди с «плохими помыслами, хитрые и развратные»¹⁴. Эта же характеристика русских повторяется и в других доступных нам источниках. Так, в отчёте президента академии Ханьлинь Чан Шу встречаются жалобы на русских, селившихся недалеко от р. Хэйлунцзян (р. Амур. — Д. В.), где русские «бесчинствовали, грабили, убивали, причиняли зло на границах»¹⁵. В другом источнике характеристики более конкретные и прямолинейные: «Русские из государства Олосы по своей природе упрямы и невежественны, они своевольничали, <...> русские по своему характеру чрезвычайно свирепы и их трудно подчинить»¹⁶. Современные китайские историки, описывая многочисленные факты жестокого обращения казаков с местным населением, которое воспринимало русских людей как «неряшливых дикарей», пожалуй, лишь повторяют уже ранее сказанное¹⁷. Значительную роль в восприятии русских китайцами сыграло поведение россиян в быту. Ещё в XVII в. в «Каталоге рисунков и карт династии Цин» из собрания императорской библиотеки в одном из цзюаней русские характеризуются как жадные и особо пристрастные к выпивке¹⁸. Пристрастие россиян к выпивке — один из самых устойчивых стереотипов. Наряду с негативными оценками исторические записи династии Цин упоминают и о храбрости русских казаков: «...оружие их весьма страшно, они храбры, как тигры, и очень искусны в стрельбе из ружей»¹⁹.

В результате подписания Нерчинского договора в 1689 г., как известно из российских исторических источников, империя Цин получила часть российской территории, в том числе и земли Албазинского и Аргунского острогов, откуда русское население было переселено на российскую сторону²⁰. По Кяхтинскому договору 1727 г. один раз в три года русские купцы, не более 200 чел., могли вести в Пекине беспошлинную торговлю, строить дома, лавки, склады. Русские торговцы, как отмечает китайский историк Го Юньшэнь, помимо торговли занимались возведением жилищ, лавок, т.е. «обосновывались на новых местах надолго»²¹. Договор также узаконил постоянное пребывание русской духовной миссии в Пекине. Китайские авторы отмечают, что с 1715 по 1860 г. в Пекин из России было направлено тринадцать священнослужителей. А в 1845 г. кроме священнослужителей в Китае побывала группа студентов, чтобы познакомиться с китайской религией и культурой. С собой они привезли в дар Китаю книги на русском языке (более 800 томов).

Особое место занимают работы цинских чиновников, которые официально посетили Российское государство, оставив отчёты, путевые заметки. Среди таких отчётов хотелось бы отметить работы Линь Цзэсюя, Яо Ина, Мяо Юсуня, Ван Чжичуна и др. Линь Цзэсюй (1785—1850) из-

вестный государственный деятель Цинского Китая. Сочинение «Основные сведения о Российском государстве» («Элосы го цзияо») было написано в 1839—1841 гг., в 1882 г. вместе с двумя работами высокого цинского сановника Яо Ина (1785—1852), также посвящёнными России, опубликовано в сборнике «Элосы цзияо» («Важнейшие сведения о России»)²². Основная задача произведения Линь Цзэсюя — показать мощь России, истоки её могущества. В своей работе автор даёт характеристику и россиянам, которые «в древности не отличаясь от нынешних татар, любили воевать, были искусны в езде верхом, стрельбе (из лука) (в случае надобности), немедленно пускали в ход оружие; стремительны (в передвижении), будто летают»²³. Высоко оценил Линь Цзэсюй развитие культуры и просвещения в России: «Учреждены школа астрономии, школа арифметики, школа (игры на) музыкальных инструментах, школа технических ремёсел, литературная школа, имеется также библиотека, в которой хранится 2800 томов книг на китайском и русском языках. По этой причине культура и просвещение процветают»²⁴.

Мяо Хусунь* — профессиональный политик. После двухгодичного пребывания в России в качестве посла императорского двора написал «Записки о России». По некоторым данным, Мяо Хусунь неплохо владел русским языком, интересовался не только политической доктриной России, но и обладал широкими знаниями по географии, культуре, традициям и обычаям россиян. Занимался переводами на китайский язык, предоставляя таким образом более свежую информацию, которая находила практическое применение. Признавая промышленную мощь России, призывал правящие круги Китая обратить на нее серьёзное внимание как ближайшего к границе мощного и опасного врага²⁵. После возвращения из России он обобщил и систематизировал калейдоскоп впечатлений, который ему нужно было в конечном счёте предоставить в виде доклада императорскому двору.

Через семь лет были опубликованы «Путевые заметки о России» Ян Сюаньчжи, написанные в форме отчёта о поездке в Россию для участия в официальной церемонии погребения императора Александра III²⁶.

Другой известный цинский чиновник Ван Чжичунь (1842—1906) посетил Россию в 1895 г. Правящая императрица Цыси возлагала большие надежды на помощь России в решении китайско-японского конфликта, в связи с чем Ли Хунчжан отправляет Ван Чжичуня в Россию. Официальный предлог — участие в коронации на царствование Николая Второго. В феврале 1895 г. Ван Чжичунь прибыл в Петербург, пробыл в России всего лишь месяц, очень плодотворный. Итогом тщательного изучения положения дел в этой стране стал отчёт — «Записки о командировании в Россию», в них Ван Чжичунь описывал не только промышленные успехи России, но дал критические оценки нравственным сторонам характера

* Мяо Хусунь (Юсунь).

россиян. Особой критике подверглись отношения между детьми и родителями: «Дети старше 20 лет не испрашивают разрешения родителей на создание семьи, живут отдельно от своих родителей, навещают родителей редко, зачастую относятся к своим родителям как к чужим людям... Мужчины много гуляют... У женщин любовники...»²⁷ Русские люди, по мнению Ван Чжичуна, не почитали «три святости и пять постоянств: контактность, совесть, надлежащее поведение, ум, веру». В целом же «Записки о путешествии» явились значительным вкладом Ван Чжичуна в процесс познания внешнего мира, понимания места Китая и китайцев среди других стран и народов.

Таким образом, к концу XIX в. вышли работы, предшествовавшие научному интересу к «чужеземцам» со стороны китайцев и нашедшие своё отражение в таких сочинениях, как «Описание заморских стран»²⁸, «Услышанные истории о странах за морями»²⁹. В этих работах дается описание географического расположения России, особенностей климата, внешнего вида её жителей (в основном среднего сословия), род занятий населения, основные черты характера — всё это в равной степени относится как к России, так и к другим странам Европы и Азии. Подобные сведения представляют особый интерес, помогают воссоздать прообраз европейца, россиянина и одновременно проследить отношение к созданному образу китайцев-очевидцев, так как все сведения записывались со слов путешественников.

На протяжении длительного времени в Китае не было каких-либо специальных исследовательских работ по вопросам взаимодействия народов, что объясняется равнодушным отношением со стороны китайцев к своим соседям к северному соседу — «варвару», в частности.

Следующий период приходится на 60—70 гг. XX в., когда русско-китайские отношения рассматривались в контексте агрессивной политики со стороны России. Среди них работы известного китайского историка Юй Юаньшана³⁰, который заостряет внимание на освободительной борьбе китайского народа против «иностранных захватчиков». В работе «Синьхайская революция»³¹ он подчёркивает, что Россия начала свой агрессивный курс по отношению к Китаю с захвата Северной Маньчжурии. На наш взгляд, данному подходу способствовало не только ухудшение взаимоотношений между нашими странами на политической арене, но и уже накопленный Китаем опыт «культурных» контактов с иностранцами в ходе опиумных войн, боксёрского восстания и последующей истории отношений с «Западом».

Широкое распространение тезис «агрессивной политики» царской России получил и в других работах, названия которых говорят сами за себя: «Борьба ихэтуаней против России в провинции Хэйлунцзян», «Краткая история интервенции царской России в Китай»³², «Семь лет оккупации Ляодунского полуострова царской Россией»³³. Все они ориентированы на доказательство факта «вторжения», «хитрого проникнове-

ния» русских в пределы Китайской империи. Заселение русскими людьми территории Дальнего Востока трактуется в них не иначе как «агрессивное вторжение» русских, направленное на «захват» китайских территорий в Северной и Южной Маньчжурии. Боксёрское восстание 1898 г., как известно, носило явно выраженный антииностранный характер, т.е. было направлено и против русских в том числе. Образ иностранца рисовался в самых негативных тонах: «Мужчины у них безнравственны, женщины развратны, а их дети рождаются от матерей, предающихся блуду со своими сыновьями. Если не верите, приглядитесь внимательней, у всех дьяволов глаза отливают синим цветом»³⁴. Так как у всех китайцев глаза темно-карие, светлый цвет глаз объяснялся аморальностью европейцев и их вырождением³⁵. По всей Маньчжурии создавались повстанческие отряды. Все чаще раздавались песни, основным лейтмотив которых: «Соберёмся в единый кулак, чтобы ударить по «длинноносым и волосатым»³⁶. Китайские исследователи помимо общего настроения населения против иностранцев немаловажной причиной считают испытываемый простыми китайцами «на себе гнёт и жестокость со стороны россиян»³⁷. Издания вышли в период наибольшего политического напряжения между нашими странами, чем объясняется односторонний подход в освещении вопроса взаимоотношений между народами.

Позитивное развитие российско-китайских отношений в 80-х гг. XX в. способствовало повышенному интересу к теме присутствия россиян на территории Маньчжурии в кругу китайских исследователей — представителей Академий общественных наук, исследовательских центров КНР.

К осторожному и даже деликатному освещению вопросов межкультурных контактов призывал Ли Цзинцзе (Пекин), вопросы присутствия русских в Китае затрагивали Ши Гоуа, Ван Чжичэн (Шанхай)³⁸, Ли Сингэн (Пекин)³⁹, Ли Шусяо⁴⁰, Ши Фан⁴¹ (Харбин), Ван Шэцзинь⁴², Чжу Юньчжэн⁴³ (Чанчунь) и др. Одно за другим выходят монографические исследования: «История переселенцев на Северо-Восток»⁴⁴ (Ли Синшэн), в конце 90-х гг. выходит «История освоения провинции Хэйлунцзян» (Синь Пэйлинь, Чжан Фэймин)⁴⁵, «Краткое изложение истории миграционных потоков провинции Хэйлунцзян» (Ли Дэбин, Ши Фан)⁴⁶ и др. В работе Ли Дэбина и Ши Фана отмечается, что впервые в исторической науке КНР наряду с рассмотрением проблем внутренних миграционных процессов на примере провинции Хэйлунцзян подняты вопросы об иммиграции извне, времени появления иностранцев в северо-восточной части Китая, деятельность иммигрантов в зарубежье. Хотя общая направленность работ сохраняется та же, что и в 70-е гг., — освещение «агрессивного характера» России, — однако китайские учёные не отрицают и положительной роли строительства КВЖД в развитии региона. Синь Пэйлинь, Чжан Фэймин в «Истории освоения провинции Хэйлунцзян» отмечают, что строительство КВЖД в немалой степени способствовало активному заселению района как внутренними, так и внешними

мигрантами⁴⁷. Активизировалось внутреннее переселенческое движение китайцев, которые ехали на работы по строительству железной дороги, оседали по линии дороги, занимались традиционно сельским хозяйством и торговлей. Именно в этих сферах деятельности происходило наиболее тесное соприкосновение народов. В работах Ван Чжичжэна, Го Юньшэня⁴⁸, Цзи Фэнхуя⁴⁹ в той или иной мере затрагиваются и вопросы межкультурной коммуникации, изображаются воинственные образы россиян, их привычки, образ жизни, которые были чужды китайцам.

Почти одновременно с публикациями в журнале «Лиши яньцзю»⁵⁰ (1989 г.) по вопросам соприкосновения двух культур — западной и восточной — появляется работа Чжоу Ильяна «История культурного обмена Китая и Запада»⁵¹. Учёный последовательно прослеживает зарождение и дальнейшее развитие контактов с «западными варварами». Упомянуты в статье и «воинственные русские казаки», направленные в Китай Иваном Грозным, а также первые русские послы Ф. И. Байков, И. С. Перфильев, С. Аблин и др. Безусловной заслугой автора является стремление показать развитие культуры Китая в процессе её взаимодействия с другими культурами и, в частности, с российской.

В 1997 г. в Пекине вышел коллективный труд «Ряска в непогоду. Российские эмигранты в Китае». Ли Сингэн, Ли Жэньнян описывают историю появления россиян на территории Китая, начиная с первых контактов, которые авторы относят к династии Юань (XIII—XIV вв.). Они подробно останавливаются на жизни албазинцев в Пекине, подчёркивая императорское расположение к ним. Воссоздается широкая картина жизни россиян не только в Северо-Восточном Китае, но и в Шанхае, Синьцзяне и других районах. Были отмечены и первые студенты (три человека), прибывшие из России с целью изучения китайского и маньчжурского языков. Эти же студенты были распространителями русской культуры и языка. Вначале они проживали на территории российского посольства в Пекине, затем были созданы российские классы, в которых россияне преподавали маньчжурам и китайцам русский язык. Эти классы и явились первой школой иностранных языков⁵². К первым русским поселенцам Ли Сингэн, Ли Жэньнян относят купцов, миссионеров и студентов, сыгравших важную роль в развитии культурных и торговых связей между нашими странами. Эти люди явились первыми носителями образов «чужих» для простых китайцев.

В конце 90-х гг. XX в. выходит коллективное исследование по истории взаимоотношений Китая со странами Запада, в том числе и с Россией⁵³. Вопросы иностранного влияния во многом рассматриваются в нём с новых позиций, помимо негативных моментов подчеркивается благотворное влияние стран Европы и России на дальнейшее развитие Китая. Итогом многолетних контактов Китая и Запада стало знакомство представителей двух разных культур с духовными и материальными достижениями друг друга. Исследования этого периода не лишены политическо-

го контекста, но китайских ученых уже волнуют вопросы взаимовлияния и культурного обмена между народами.

В начале нынешнего столетия в Китае всё больше внимания уделяется вопросам этнокультурного взаимодействия. В 2004 г. вышел журнал Цзилиньской Академии общественных наук «Шэхуй кэсюэ чжаньсянь», в котором Дай Сюнь, Сюнь Цзе освещают вопросы формирования стереотипов в отношениях между народами⁵⁴. Немалую роль авторы отводят миссионерам, носителям первичной информации о китайцах для европейцев и в обратном направлении.

Интерес представляет статья Юй Гочжэна, учёного из Центра изучения Восточной Азии⁵⁵ провинции Цзилинь. Он подчёркивает, что «россиянам присущ великодержавный шовинизм, который проявляется не только на бытовом уровне, но и в построении взаимоотношений с другими странами. Автор использует такие обороты, как «старший брат», «младший брат»; «россияне непомерно горделивы, возвеличивая свои традиции и обычаи»⁵⁶.

Показательным является издание двух фотоальбомов по истории городов Харбина и Даляня⁵⁷ с вступительными статьями учёных. Ли Шусяо, Ли Юаньци, подчёркивая агрессивный характер западных держав (включая и Россию), не отрицают определенного позитивного влияния Запада на культуру этих городов. По мнению авторов, фотоснимки старых городов, фиксирующие более чем 50-летний «колониальный характер присутствия России и Японии в Китае», «не только память о прошлом — это горький урок, способствующий повышению национального духа, в деле защиты и строительства прекрасного будущего своей страны»⁵⁸. Все фотоснимки снабжены историческими справками и являются характерным дополнением к описанию жизни русской диаспоры, её контактов с представителями «чужой» культуры.

Особую группу материалов по истории русской эмиграции составляют статьи, которые регулярно публикуются в газете «Хэйлунцзян жибао». Под рубрикой «Город и его люди» в ней помещаются статьи и заметки о бывших и нынешних русских харбинцах, жизни в современном Китае тех, кто родился и жил когда-то в Харбине. Редактором рубрики и автором многих статей является Цзэн Ичжи⁵⁹, профессиональная журналистка, большой знаток истории Харбина. Она не только пишет о последних русских харбинцах, но и помогает им выжить в современном большом городе⁶⁰. На страницах «Хэйлунцзян жибао» опубликовано более 20 её материалов. Сведения о россиянах, прежних и нынешних, об истории Харбина и других городов, сохраняющих следы русского культурного проникновения, содержатся в периодических изданиях⁶¹.

Российская эмиграция сегодня представлена в Харбине российской подданной Ефросиньей Андреевной Никифоровой⁶² и бывшей российской эмигранткой, кореянкей по национальности, Валентиной Павловной Хван⁶³. Обе женщины уже в преклонном возрасте. Многочисленные

статьи о взаимодействии людей двух культур, интеграции россиян в китайскую культуру имеют большое воспитательное значение для китайской молодежи, изучающей русский язык. Нам известны факты помощи, встреч студентов Харбинского политехнического университета отделения русского языка с россиянами, длительно проживающими в Харбине. Такие контакты — своего рода знакомство с русской культурой. Интересны были встречи с В.А. Зинченко, который прекрасно владел и китайским, и русским языками. В день его рождения и на Рождество у В.А. Зинченко собирались знакомые и друзья, большинство из которых китайцы⁶⁴. В последние дни жизни Владимира Алексеевича именно китайцы ухаживали за своим земляком-некитайцем, который никогда не был в России.

Особый интерес представляют исторические записи и архивные материалы из фондов Архива провинции Хэйлунцзян (Ф. 83. Харбинской еврейской духовной общины), исторические записи «Хэйлунцзян вайцзи» («Записки о внешних сношениях провинции Хэйлунцзян»)⁶⁵, составленные Си Цинном в 1810 г., отчеты чиновников, которые вошли в сборник «Цин дай Хэйлунцзян лиши данъань сюаньбянь («Избранное из архива провинции Хэйлунцзян по истории провинции периода династии Цинн»)⁶⁶. По этим материалам можно проследить не только становление образа «чужого» для конкретно взятого народа (включая и россиянина), но и выявить наиболее общие черты, присущие «бледнолицым дьяволам». Кроме внешнего описания даётся характеристика основных особенностей, включая и положительные, и отрицательные черты. Это не равнодушное перечисление констант «чуждой культуры», а эмоционально и оценочно окрашенное описание, что, в свою очередь, помогает исследователю-европейцу ярче представить «свой» образ в глазах «чужаков», понять процесс его формирования.

В современной историографии КНР с начала 80-х гг. XX в. произошёл отказ от прежних теоретических положений и началась выработка нового подхода к изучению прошлого. Перед китайскими учёными открылась возможность заняться самостоятельными темами, которые прежде не исследовались из-за того, что находились на стыке различных общественных наук либо считались запретными по идеологическим соображениям. Анализ публикаций китайских авторов, имеющих отношение к истории российской диаспоры в Китае, даёт основания говорить о плодотворной работе китайских исследователей из Поднебесной.

Последние годы взаимодействия двух народов, во многом благодаря возросшему количеству личных контактов, расширили и углубили знания друг о друге, что вопреки ожиданиям не всегда порождает симпатию. В межкультурных контактах россиян и китайцев необходимо отметить черты определённого «великодержавного шовинизма» не только в отношении россиян к китайцам, но и наоборот, что особенно проявляется во взаимоотношениях на «своём территориальном пространстве».

Безусловно, на нынешнем этапе можно наблюдать некоторое сближение социально-психологических стереотипов взаимовосприятия, вернее сказать, их нивелировку; сегодняшние реалии, обусловленные экономической необходимостью, процессами глобализации, влияют на расстановку акцентов в формировании стереотипов. Изучение межкультурных контактов с учётом опыта прошлого будет способствовать развитию и укреплению связей между Россией и Китаем, преодолению взаимных непонимания и отчуждённости, освещение которых требует деликатности и осторожности.

-
- ¹ Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2006; Здравомыслов А. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия М.: Алгоритм, 2003; Немцы о русских: сб. М.: Столица, 1995; Сикевиц З.В. Русские: образ народа. СПб., 1996; Smith H. The Russians. N.Y., 1976.
- ² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 23.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Крюков М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 308.
- ⁶ Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэньюй фупин. Эго цяоминь цзай Чжунго (Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае). Пекин, 1997. С. 3.
- ⁷ Линь Цзэсюй. Основные сведения о Российском государстве / пер. с кит. С.Ю. Врядий. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1996. С. 39.
- ⁸ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. (Три года в Уссурийском крае). СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1897. С. 366.
- ⁹ Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др...
- ¹⁰ Подробнее см.: «Каталог рисунков и карт династии Цин»: Из собрания императорской библиотеки (Цюэ дин Сыку цюаньшу).
- ¹¹ Русско-китайские отношения в XVII веке: док. и материалы. В 2 т. Т. 2. 1689—1691. М.: Наука, 1972. С. 660, 687, 689.
- ¹² Глуздовский В. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917. С. 58.
- ¹³ Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. С. 15.
- ¹⁴ Фань Чжэньпин. Япянь чжаньчжэнь хоу ды «кай янь кань шицзе» сысян (Открытыми глазами взглянуть на мир после опиумных войн) // Лиши яньцзю. 1986. № 1. С. 146.
- ¹⁵ Русско-китайские отношения... С. 660.
- ¹⁶ Там же. С. 687, 690.
- ¹⁷ Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Краткая история интервенции царской России в Китай). Цзилинь, 1976. С. 35, 37, 43.
- ¹⁸ Шаньчуань фэнцин цуншу (Собрание о нравах и обычаях стран). Шанхай, б/г.
- ¹⁹ Цинши яньцзю цзи. Ди и цзи (Сборник исследований по истории династии Цинн). Ч. 1. Пекин, 1980. С. 112.
- ²⁰ Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003. С. 31.
- ²¹ Го Юньшэнь. Чжун-Э чае маои ши (История чайной торговли между Китаем и Россией). Харбин, 1995. С. 12—13.
- ²² Элосы цзяю (Важнейшие сведения о России). Шанхай, 1882. Ксилограф.

- ²³ Подробно см.: Врадий С.Ю. Произведение Линь Цзэсюя как источник для изучения представлений о России в Китае XIX в. // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток, 1996. № 3. С. 167—187.
- ²⁴ Там же. С. 175.
- ²⁵ Мяо Хусунь. Э ю жици (Записки о России). Пекин, 1889.
- ²⁶ Ян Сюаньчжи. Э чэн жици (Путевые заметки о России). Пекин, 1895.
- ²⁷ Ван Чжичунь. Ши Э жици (Записки о командировании в Россию). Б/м, 1895.
- ²⁸ Вэй Юань. Хайго тунчжи (Описание заморских стран). Б.м., 1844.
- ²⁹ Хайго вэньцзянь лу (Услышанные истории о странах за морями). Шанхай, б/г.
- ³⁰ Юй Юаньань. Чжун-Э ляngo жэньминь юхао гуаньси саньбай нянь (Триста лет дружбы китайского и русского народов) // Лиши яньцзю. 1957. № 11.
- ³¹ Юй Шэнью. Ша Э юй Синькэ гэмин (Царская Россия и Синьхайская революция) // Жэньминь жибао. 1981. 9 окт.
- ³² Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Краткая история интервенции царской России в Китай). Цзилинь, 1976.
- ³³ Ша Э циньчжань Людады цинянь (Семь лет оккупации Ляодунского полуострова царской Россией). Пекин, 1978.
- ³⁴ Восстание ихэтуаней. 1898—1901 гг.: док. и материалы (пер. с кит.). М.: Наука, 1968.
- ³⁵ Selby, Thomas A. As The Chinese see us / Thomas A. Selby. London: T. Fisher Unwin. 1901. P. 11—12. В подтверждение этого факта хотелось бы привести историю, которую передает Thomas Selby. У одного крестьянина родилась дочь с розовыми глазами и светлокожая, она явно была альбиносом, чего крестьянин не знал. Горе крестьянина было безмерно, девочка родилась с лицом иностранки и ей никогда не выйти замуж. Несколько раз он ходил к оракулу за разрешением убить свою дочь, но каждый раз получал отказ. И вот узнав, что к ним приехал иностранец, крестьянин предлагает ему забрать дочь за совсем небольшую плату в качестве наложницы.
- ³⁶ Хэйлунцзян Ихэтуанды кань Э доучжэн (Борьба ихэтуаней против России в провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1978. С. 8—9.
- ³⁷ Там же. С. 11.
- ³⁸ Ван Чжичжэн. Шанхай Эцяо ши (История русских эмигрантов в Шанхае). Шанхай, 1993.
- ³⁹ Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др...
- ⁴⁰ Ли Шусяо. Хаэрбинь цюин (Старые фотографии Харбина). Пекин, 2000.
- ⁴¹ Ши Фан, Гао Лин. Хаэрбинь Эцяо ши (История русских эмигрантов в Харбине). Харбин, 1998.
- ⁴² Wang Shengjin. Study Report on Northeast Asian Labor Force Resource // Far Eastern Studies. Vol. 1. March 2002.
- ⁴³ Чжу Юньчжэн, Ян Вэйлин. Русские в провинции Цзилинь // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 2.
- ⁴⁴ Ли Синшэн. Дунбэй люжэнь ши (История переселенцев на Северо-Восток). Харбин, 1990.
- ⁴⁵ Синь Пэйлинь, Чжан Фэнмин, Гао Сяоянь. Хэйлунцзян Кайфаши (История освоения провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1999.
- ⁴⁶ Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлунцзян имнь гайяо (Краткое изложение истории миграционных потоков в провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1987.
- ⁴⁷ Синь Пэйлинь. Чжан Фэнмин, Гао Сяоянь... С. 98.
- ⁴⁸ Го Юньшэнь. Шицзю шицзи сябянь Э-Чжун вэньхуа цзяолю шида шицзи (Хроника культурного обмена между Китаем и Россией во второй половине XIX века) // Сиболия яньцзю. 1995. № 5.
- ⁴⁹ Цзи Фэнхуй. Хаэрбинь сюньгэнь (В поисках корней Харбина). Харбин, 1996.
- ⁵⁰ Ли Пэн. Чжун-Си вэньхуа вэньти (Вопросы культуры Китая и Запада) // Лиши яньцзю. 1989. № 3. С. 50—55; Гу Чжаншэн. Чуаньцзяоши юй цзиньдай Чжун-Си

- вэньхуа цзяо лю (Миссионеры и современный культурный обмен Китая и Запада) // Лиши яньцзю. 1989. № 3. С. 56—64; Сан Бин. Цин мо синсюэ жэчао юй шэхуй бяньцянь (Образовательный бум и социальные сдвиги в конце правления династии Цин) // Лиши яньцзю. 1989. № 6. С. 13—27.
- ⁵¹ Чжоу Илян. Чжун-Вай вэньхуа цзяолю ши (История культурного обмена Китая и Запада). Хэнань, 1987.
- ⁵² Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэньюй фупин. С. 6.
- ⁵³ Чжун-Си убай нянь бицзю (500 лет взаимоотношений Китая и Запада). Пекин, 1996.
- ⁵⁴ Дай Сюнь. Куавэньхуа цзяолю чжунды Чжунго синсян цзи ци цяньи (Образ Китая и его трансформация в контексте межкультурных коммуникаций) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 2004. № 1. С. 97—103; Сюнь Цзе. Сифан жэнь яньчжун ды Чжунго чжи соцзин (Образы Китая в глазах европейцев) // Там же. С. 104—107.
- ⁵⁵ Юй Гочжэн. Элосы юаньдун дицзюй юй Чжунго гуаньсиды чжюэ иньсу фэньси (Анализ обуславливающих факторов взаимоотношений российского Дальнего Востока и Китая) // Дун Оу Чжун Я яньцзю. 2002. № 4. С. 60—65.
- ⁵⁶ Там же. С. 62.
- ⁵⁷ Ли Шусяо. Хаэрбинь цзюин (Старые фотографии Харбина). Пекин, 2000; Ли Юаньци. Дальянь цзю ин (Старые фотографии Дальяня). Пекин, 2000.
- ⁵⁸ Ли Юаньци. Дальянь цзю ин (Старые фотографии Дальяня). С. 7.
- ⁵⁹ Цзэн Ичжи. Мэнчжун хуаюань (Памятный парк) // Хэйлунцзян жибао, 2000. 6 апр.; Миши шушу. Цзухоуды хаэрбинь эцяо (Дядя Миша: О последних русских эмигрантах в Харбине) // Там же. 1999. 9 февр.; «Нии» хэ тады яоупу. Ефулосиния Ниццифулова хэ фэньдоу яодяньды гуши («Тетя Ни и её аптека»: рассказ об Ефросинье Никифоровой и аптеке на улице Фэньдоу) // Там же. 2000. 6 апр.; Вэйлэ хаэрбиньды вэйлай: баоху лишиды цзяньчжэн — лао фанцзы! (Ради будущего Харбина: сохраним старые здания — свидетелей истории!) // Там же. 2000. 20 апр.; «Мадаму» хэ тады Чжунго хайцзы (Мадам и её китайские дети) (О судьбе Юсковой Любови Ивановны) // Там же. 2001. 15 янв.
- ⁶⁰ Василенко Н.А. История российской эмиграции... С. 23.
- ⁶¹ Цзян наньчэнь. Вэй лиши цзочжэн (Свидетели истории) // Хэйлунцзян Жибао. 2000. 12 окт.; Чжан Дунцин, Чжан Дэчэн. Агэлофэйна: Игэ хуньси Чжунго канчжанды элосы ньюжэнь, игэ эрньюй мучжун юньюаньды фэнпай (Аграфена: русская женщина — участница войны Сопrotивления в Китае) // Шэнхо бао. 1995. 10 сент.
- ⁶² Цзэн Ичжи. «Нии» хэ тады «яоупу». Ефулосиния Ниццифулова хэ фэньдоу яодяньды гуши («Тетя Ни и её аптека»: рассказ об Ефросинье Никифоровой и аптеке на улице Фэньдоу) // Хэйлунцзян жибао. 2000. 6 апр.
- ⁶³ Цзэн Ичжи. Мэйлидэ Валия: Ивэй Хаэрбин чаосян цзужэньды гуши (Валя Прекрасная: история харбинской кореянки) // Хэйлунцзян жибао. 1999. 11 июня.
- ⁶⁴ Цзэн Ичжи. Валозя: цзуй няньцинды Хаэрбин Эцяо (Володя: самый молодой русский эмигрант Харбина) // Хэйлунцзян жибао. 2001. 12 февр.
- ⁶⁵ Хэйлунцзян вайцзи. Цин дай (Записки о внешних сношениях провинции Хэйлунцзян. Династия Цин). Харбин, 1985.
- ⁶⁶ Цин дай Хэйлунцзян лиши даньянь сюаньбянь (Избранное из архива провинции Хэйлунцзян по истории провинции периода династии Цин). Харбин, 1987.

SUMMARY: The paper describes the main stages of researching and forming the images of Russians by Chinese scientists, travelers and officials. Traced the positive and negative components of images and the main reasons formed them. The paper shows the modern tendency of perception of the images “others” but not “our”.